

Юрген Граф

ДЕЛО ПРИБКЕ: АНАТОМИЯ СУДЕБНОГО СКАНДАЛА

Приведенный ниже текст представляет собой обсуждение автобиографии Эриха Прибке, написанной им в соавторстве с Паоло Джакини, под названием «Vae victis» («Горе побежденным»), Рим, 2005 г. 1025 страниц. Она была переведена с итальянского языка на немецкий Юргеном Графом.

Тому, кто зарабатывает себе на жизнь как переводчик, неизбежно приходится иметь дело также и с такими текстами, которые по своему содержанию или мало, или совсем не интересуют его, и о которых он после сделанной работы быстро забывает. С другой стороны, порой ему улыбается удача, когда он переводит произведение, которое, как он чувствует, надолго останется для него важным и интересным. Тот, кто, как автор этих строк, смог перевести на немецкий язык многочисленные значительные тексты научного ревизионизма – прежде всего, работы Робера Фориссона и Карло Маттоньо, с благодарностью сохраняет в своей памяти воспоминания об этой ответственной и приятной работе. Тогда для него перевод является чем-то большим, чем просто работой ради заработка.

В качестве апогея моей продолжительной карьеры переводчика иноязычных текстов на мой родной немецкий язык я рассматриваю перевод книги, о которой идет речь в этой рецензии. Однако обстоятельства, которые привели к возникновению этого перевода, весьма трагичны: 20 ноября 1995 года немец Эрих Прибке, которому в то время было 82 года, был выдан Аргентиной в Италию из-за обвинения в участии в расстреле заложников в 1944 году. В 1998 году он был в Италии приговорен судом последней инстанции к пожизненному заключению. В феврале 1999 года Прибке было позволено отбывать свое наказание в форме домашнего ареста. С тех пор он как узник живет в Риме у своего адвоката и друга Паоло Джакини; до сегодняшнего дня он может покидать дом своего хозяина только под надзором полицейских. В сотрудничестве с Джакини Прибке написал автобиографию, которая в 2003 году была опубликована на итальянском языке, и два года спустя появилась на немецком языке в моем переводе.

Хотелось бы, чтобы эта книга в будущем, когда блага «свободной демократии», как с оруэлловским цинизмом называет себя господствующая в западном мире система лжи, уйдут в прошлое, могла бы стать составной частью изучения истории в школах. Непонятное на первый взгляд преследование старика, который в возрасте тридцати лет по приказу своих командиров расстрелял двух заложников во время войны, жертвами которой ежедневно становились тысячи людей, и который после этого на протяжении полувека жил

как безупречный гражданин и глава семьи, становится понятным при чтении этого документального произведения, даже если «понятно» оно лишь только в соответствии с известным изречением «во всем этом безумии тоже есть своя система». Тот, кто прочел «Горе побежденным», поймет механизмы, в соответствии с которыми функционирует «свободная демократия», и сможет сделать вывод о том, какие именно силы в этой системе действуют за ее кулисами. В этом отношении эта книга представляет собой первоклассный исторический и политический учебный материал. За ее появление мы должны в равной степени поблагодарить двух выдающихся людей: старика Эриха Прибке, который, как он сам пишет в предисловии, «с железной твердостью заставил себя вспоминать и писать», и его адвоката Паоло Джакини, который с неутомимым трудолюбием собрал воистину безграничное изобилие исторического и юридического материала.

Книга «Горе побежденным» состоит из трех частей. В первой ее части Эрих Прибке рассказывает о своей жизни, от самых ранних детских воспоминаний и до 1994 года, когда он благодаря передаче американского телеканала Эй-Би-Си вдруг стал широко известен во всем мире. Вторая часть посвящена теме «Дело Прибке и правосудие»; здесь изображаются арест бывшего немецкого офицера в Италии и различные этапы проводившегося против него судебного процесса. На последних ста страницах Паоло Джакини, наконец, располагает дело Прибке в его историческом контексте и освещает, среди прочего, оставшиеся безнаказанными военные преступления союзников.

Жизнь Эриха Прибке до событий 24 марта 1944

Эрих Прибке родился 29 июля 1913 года в Хеннигсдорфе недалеко от Берлина. Его старший брат Бруно погиб на Первой мировой войне, отец умер в 1920 году вследствие отравления газом на фронте, его мать последовала за своим супругом шесть месяцев спустя. Потому Эриха, ставшего в семилетнем возрасте круглым сиротой, воспитывали его дядя Вильгельм и тетя Клара. В 14 лет ему представился шанс начать карьеру в гостиничном деле, а именно в отеле «Эспланада» в Берлине, где останавливались разные известные личности, например, летчик-ас Герман Геринг. С помощью директора гостиницы он в начале 1933 года получил должность секретаря двух гостиниц в Рапалло на Ривьере, где он провел самые прекрасные годы своей молодости и выучил итальянский язык. После годового пребывания в Лондоне, где он работал в отеле «Савой», Эрих Прибке в конце 1935 года вернулся в Германию и благодаря своему знанию двух иностранных языков поступил на должность переводчика в полиции. Летом 1937 года он переводил для одного высокопоставленного посетителя, начальника полиции Бразилии Миранды Корреа,

итальянца по происхождению, который прибыл в Германию на дирижабле «Цеппелин»; его пригласил туда Генрих Гиммлер, потому что хотел узнать от Миранды подробности использовавшихся в Бразилии методов борьбы с коммунистическими партизанами.

Так как Прибке хорошо зарекомендовал себя как переводчик, он был принят в полицию и вместе с тем также и в СС. Отныне он как подчиненный шефа Гестапо Генриха Мюллера работал в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) в Берлине.

15 июня 1938 года он женился на Алисе Штоль, с которой он дружил уже двенадцать лет, и которая в течение следующих лет подарила ему двух сыновей, Йорга и Инго.

В феврале 1941 года Эрих Прибке был переведен в посольство Германии в Риме, где он отныне служил в бюро связи с итальянской полицией, которым руководил Герберт Каплер (в некоторых русских текстах его фамилия пишется также с одним «п» – Каплер – прим. перев.). О своей тогдашней работе Прибке рассказывает так:

«Наши задачи в течение тех лет были весьма разнообразны. В первую очередь речь шла о том, чтобы обеспечить постоянный обмен информацией между немецкой и итальянской полицией, причем особенно важной была борьба с террористической деятельностью, а также защита железнодорожных сообщений между обеими странами. Очень важна была также информация о внутреннем состоянии нашего итальянского союзника. Из донесений, которые мы посылали в Берлин, недвусмысленно следовало, что фашизм, который до недавнего времени еще поддерживало подавляющее большинство итальянского народа, после вступления Италии в войну утратил поддержку населения. [...] На бесчисленных страницах, отправляемых непосредственно самым ответственным лицам в Берлине, мы описывали усталость от войны некоторых слоев населения, англофильские течения у части итальянцев и их верхнего слоя, а также проистекающую из этого опасность шпионажа» (стр. 65/66).

Вскоре после высадки союзников в Южной Италии в июле 1943 года Большой фашистский совет сместил с должности Бенито Муссолини и арестовал его. Новый глава государства маршал Пьетро Бадольо хоть и делал лицемерные заверения о продолжении сотрудничества с Германским Рейхом, тем не менее, провел тайные переговоры с союзниками о перемирии и 8 сентября вывел Италию из войны. Сразу же после этого немецкие войска вступили в Италию, не сталкиваясь с серьезным сопротивлением. Так немцы из союзников превратились в оккупантов.

В то время как немецкие войска к югу от Рима на протяжении восьми месяцев сдерживали наступление многократно превосходившего их противника, в самом Священном городе увеличивалось число террористических актов. За ними стояли коммунистические подпольщики, циничный расчет которых состоял в том, чтобы спровоцировать немцев на акции возмездия, что, в свою очередь, должно было пробудить население из его состояния пассивности и привести к восстанию против оккупационной власти и ее фашистских союзников. Таким образом, честь «освободить Рим от нацистских фашистов» досталась бы итальянским коммунистам, а не англо-американцам. Но эти расчеты не оправдались, так как восстание так и не произошло.

Террористический акт на Виа Разелла и репрессии в Ардеатинских пещерах

23 марта коммунистические «Патриотические боевые группы» (GAP, Gruppi di Azione patriottica) нанесли удар по подразделению немецких полицейских, 11-й роте третьего батальона «Боцен», сформированного из жителей Южного Тироля. Когда батальон после упражнений по стрельбе возвращался в свои казармы, на Виа Разелла взорвалась бомба. Этот взрыв убил 32 южнотирольца, а также уже не поддающееся точному определению количество мирных итальянцев, в том числе мальчика Пьетро Цуккерини, и еще больше людей были ранены. Вскоре после этого Капплер собрал всех подчиненных ему офицеров и сообщил им: *«Фюрер приказал расстрелять за каждого убитого в этом коварном нападении немецкого солдата десять итальянских заложников. Охранной полиции поручено осуществить все необходимые приготовления для проведения казни»*. Приказ этот был передан Капплеру через фельдмаршала Альберта Кессельринга, главнокомандующего немецкими вооруженными силами в Италии.

По радио был передан призыв к виновникам взрыва добровольно сдаться, так как в противном случае последуют меры возмездия. Так как с самого начала практически не было никакого шанса на подобный шаг со стороны диверсантов, Капплер в ночь на 24 марта составил список подлежащих расстрелу лиц. Он охватывал только мужчин, совершеннолетних – за исключением трех или четырех человек – итальянцев, которые к тому времени уже находились под арестом у немцев из-за их доказанного или предположительного пособничества партизанам. Так как их количество было намного меньше 320, Капплер обратился к итальянской полиции, которая должна была до первой половины дня доставить ему пятьдесят заключенных оппозиционеров из итальянской тюрьмы. (При этом ответственные лица совершили ошибку: вместо 50 они передали 55 обреченных, и так как время торопило, немцы не стали их пересчитывать). Тем не менее, все еще не хватало 75 за-

ложников, так что Капплер предложил своему непосредственному начальнику генералу Харстеру включить в список обреченных на смерть еще 75 человек: евреев, незадолго до этого арестованных не из-за помощи партизанам, а исключительно по расовым причинам. Харстер согласился с этим предложением. Хотя Эрих Прибке не имел ни малейшего отношения к этому шагу, но именно этот момент полвека спустя дал его преследователям столь желанный предлог обвинить Прибке в причастности к «Холокосту».

Согласно тогдашнему праву войны расстрелы заложников были допустимы и практиковались армиями многих государств. Особенно часто любили прибегать к таким репрессиям итальянцы. После того как абиссинские участники сопротивления в феврале 1936 года в Аддис-Абебе убили нескольких итальянских солдат и ранили генерала Родольфо Грациани в качестве возмездия были расстреляны не менее 2500 абиссинцев, в том числе 127 монахов, которые помогали повстанцам. *В декабре 1941 года итальянские войска после нападения партизан сожгли сербскую горную деревню Савин-Лаката и поставили всех ее мужчин к стенке (стр. 986).* Само собой разумеется, никто из ответственных за эти действия лиц не был наказан в судебном порядке.

Давайте вернемся к событиям 24 марта 1944 года. Местом казни были выбраны несколько туфовых пещер на Виа Ардеатина на окраине Рима. Расстрельная команда насчитывала примерно 60 солдат и унтер-офицеров, а также 7 офицеров, включая самого Капплера; каждый офицер должен был стрелять дважды, каждый унтер-офицер и солдат – пять или шесть раз. Отказ выполнить приказ был бы равносителен самоубийству; ответственный за организацию казни штурмбаннфюрер Карл Шютц так предостерегал команду: «Кто думает, что ему не понадобится стрелять, может сразу стать рядом с заложниками, потому что он тоже будет расстрелян». Затем Шютц передал Прибке составленный Капплером поименный список и приказал ему, чтобы он вычеркивал имена тех, которые, переступив порог, входили внутрь пещер.

Эрих Прибке так описывает свои ощущения в тот момент:

«До того дня я никогда никого не убивал, и, слава Богу, после этого мне тоже никогда больше не пришлось этого делать. То, что война по самой своей сути означает массовое убийство и смерть, не может смягчить драму человека, который обладает совестью и должен при этом отбирать жизнь у других, особенно если это происходит при обстоятельствах, вроде описанных здесь. [...] Никто не может захотеть добровольно почувствовать ту холодную дрожь, охватывающую человека, когда ему приходится хладнокровно убивать беззащитного, и которую просто нельзя описать. Я могу ясно вспомнить только

лишь о моем душевном состоянии, когда мне, в промокшем от холодного пота мундире, пришлось заходить в эти пещеры. Хотя я в мои 90 лет обладаю еще действительно хорошей памятью, в моих воспоминаниях почти ничего не осталось от того, что происходило в те недолгие минуты внутри грота. Я не помню больше, как я нажимал на спусковой крючок; как будто пелена окутала мой мозг» (стр. 147).

То, что ему пришлось убить двух человек, лежало тяжелым бременем на душе Эриха Прибке все эти десятилетия. В итальянском заключении он уверял родственников расстрелянных в своем сочувствии, тем не менее, он отказался демонстрировать раскаяние, так как раскаяние можно чувствовать только за те действия, которые человек совершил по своей собственной воле. В соответствии с этим он так ответил сенатору Атосу де Луке, когда тот в марте 1997 года захотел выманить у Прибке слова раскаяния:

«Я уже засвидетельствовал семьям жертв свое сочувствие. Не думаю, что я могу добавить к этому еще что-то. И если бы я действительно хотел что-то добавить, то разве вы поверили бы, что кто-то стал бы слушать меня непредвзято? Они говорили бы – все подумали бы так, и многие сказали бы это вслух – что любое 'признание вины', если я здесь воспользуюсь вашим выражением, является неискренним и оппортунистским. Что я произношу слова раскаяния только для того, чтобы снова оказаться на свободе, так же как поступают некоторые итальянские преступники, которые решают сотрудничать с правосудием и благодаря этому получают предусмотренные законом послабления. Я застрелил двух человек в Ардеатинских пещерах и признал это. Смерть обоих этих человек все еще гнетет мою совесть. Я доверил свою совесть Богу. [...] То, что происходило в тот день в Ардеатинских пещерах, не было никаким военным преступлением, а было легальным актом войны, который я и тогда считал несоразмерным и сегодня все еще считаю несоразмерным. Однако я не готов представить это событие, которое для всех было трагедией, в искаженном виде. После всей этой кампании ненависти никто здесь в Италии не поверил бы в мое раскаяние. Потому я предпочитаю сохранить свою честь» (газета La Repubblica, 23 марта 1997).

Человек, который говорит так, в нравственном отношении во много раз превосходит своих преследователей и заслуживает самого глубокого уважения!

Если бы Эрих Прибке отказался исполнять приказ, это означало бы смертный приговор для него самого; его семья потеряла бы кормильца, а тех двух заложников все равно бы расстрелял кто-нибудь другой. Очень трудно сомневаться в том, что хоть кто-нибудь из всех этих фарисеев, которые полвека спустя набросились на Прибке, действовали бы в его ситуации иначе.

4 июня 1944 году союзники вступили в Рим, и немецкие войска отступили в Северную Италию. Теперь Эрих Прибке получил должность офицера связи с генеральным штабом оставшейся верной Муссолини Национальной республиканской гвардии (Guardia Nazionale Repubblicana) в Брешии. Предотвращение террористических нападений, кроме всего прочего, тоже входило в его обязанности, но в Брешии их никогда не происходило. В конце апреля 1945 года Прибке попал в плен и провел более полутора лет в различных британских лагерях для военнопленных в Италии. Наконец 31 декабря 1946 года ему удалось сбежать, и он добрался до своей семьи, проживавшей в Штерцинге в Южном Тироле, после чего прятался на одном крестьянском хуторе.

Итальянская военная юстиция оправдывает сослуживцев Прибке за исключением Герберта Каплера

В июле 1948 года из газетных сообщений Прибке узнал, что его бывший командир Герберт Каплер, а также еще пять офицеров, его бывших сослуживцев, предстали перед итальянским военным судом за репрессии в Ардеатинских пещерах в Риме. (Участовавших в акции унтер-офицеров и простых солдат вообще не трогали!) Суд классифицировал акцию возмездия как незаконную, в том числе и потому, что виновников теракта искали недостаточно долго, и потому что среди расстрелянных были также и офицеры, тогда как убитые при взрыве южнотирольцы все были простыми полицейскими. Тем не менее, все подсудимые, за исключением Каплера, были оправданы ввиду того, что они действовали в ситуации крайней необходимости, повинаясь приказу. То, что Эрих Прибке тогда жил в Южнотирольских горах, вне зоны досягаемости итальянской юстиции, впоследствии оказалось для него роковым. Если бы он еще тогда предстал перед судом, то был бы оправдан, как и его сослуживцы в равных с ним званиях, и трагедия преследования полвека позже миновала бы его и его семью.

Военный суд признал, что оберштурмбаннфюрер Герберт Каплер, как и другие подсудимые, выполнял приказ, который он тогда считал правомерным; то, что он собственноручно убил двух заложников, чтобы разделить ответственность за репрессию со своими подчиненными, было столь же мало поставлено ему в вину, как и тот факт, что он предложил генералу Харстеру расстрелять 75 евреев, против которых не было никаких подозрений в поддержке партизан. В приговоре, в частности, говорилось:

«Привычка к немедленному и беспрекословному послушанию, которую подсудимый [Каплер] выработал у себя при службе в организации, в которой царил самая строгая дисциплина; тот факт, что соответствующие приказы и раньше исполнялись в различных зонах боевых действий; тот факт, что при-

каз, поступивший от главы государства и главнокомандующего вооруженными силами, из-за большой присущей ему моральной силы [именно так!] неизбежно должен был ограничить у солдата ту свободу собственной оценки, которая необходима для точной перепроверки – все это является элементами, которые побуждают судебскую коллегия к выводу, что нельзя с уверенностью утверждать, что Капплер осознавал, что приказ незаконен и, зная о его незаконности, намеренно выполнял его».

Герберт Капплер был приговорен к пожизненному заключению, так как он, после того, как тридцать третий южнотиролец умер от полученных ран, лично отдал приказ о расстреле еще десяти заложников. Это было интерпретировано как выход за рамки приказа, хотя это было ничем иным как дословным исполнением полученного приказа. Оправдательный приговор остальным подсудимым не вызвал протестов; родственники жертв, а также бывшие участники сопротивления были удовлетворены осуждением Капплера как козла отпущения. После длившегося десятки лет заключения в крепости Капплер, к тому времени уже смертельно больной, был освобожден в августе 1977 года его женой Аннелизой, и полгода спустя умер в Германии. Из панического страха перед коммунистами (итальянское еврейство в то время еще не было существенным фактором) итальянская юстиция на протяжении многих лет прибегала к все новым уловкам, чтобы избежать его помилования, которое помимо любых юридических соображений было бы простым требованием гуманности.

В Аргентине

Вернемся к Эриху Прибке. В октябре 1948 года он со своей супругой и обоими сыновьями сел на пароход, идущий в Аргентину. В Буэнос-Айресе он сначала перебивался как мойщик посуды, а потом, освоив основы испанского языка, стал работать официантом. В 1954 году он с семьей переселился на курорт Барилоче на юге страны, где сначала работал метрдотелем; несколько лет спустя он купил продовольственный магазин, и его семья обрела определенное благосостояние. Параллельно к этому Прибке принимал активное участие в местном немецко-аргентинском культурном союзе и в порядке общественной работы работал для школы Примо Капраро, которую посещали многие дети аргентинских немцев. С 1986 года он организовывал регулярный обмен школьниками с Германией.

В 1978 году Эрих Прибке, которому исполнилось уже 65 лет, на время передал свой бизнес своему сыну Йоргу и затем вместе с женой совершил несколько поездок по Европе, две из которых привели его в Италию. Он не

смог бы привести более ясного доказательства того, что он совсем не боялся итальянского правосудия.

Но мирная старость, которую Эрих и Алиса Прибке честно заработали десятилетиями тяжелого труда, не была им уготована. Паоло Джакини пишет:

«Тогда как Эрих Прибке в 1992 году в хорошем настроении вступал в восьмидесятый год своей жизни, раввины Марвин Хир и Абрахам Купер из Центра Симона Визенталя готовили зловещие планы и снова инвестировали деньги в очередную скандальную операцию. Как обычно они охотились за историями о 'нацистских преступниках', которые они потом могли представить обществу, и для этого они финансировали разъездную деятельность некоего Ярона Свора, который раньше был израильским полицейским, а теперь пробовал себя в роли журналиста. Свора должен был внедриться в Германии в «правый» лагерь, чтобы доказать, насколько велика все еще оставалась опасность гитлеризма. Однако добыча «супершпиона» Свора оказалась слишком уж бедной: несколько неуместных высказываний того или иного дряхлого старика, а также того или иного незрелого шалопая из среды скинхедов, и на этом все. [...] Операция по разоблачению «огромной неонацистской организации» привела в Германии к прямо-таки жалким результатам, которые не могли бы привлечь к центрам Визенталя никакого внимания. [...] К фольклорным нацистам, с которыми Свора установил контакт в ходе своих расследований для Центра Визенталя, относился и некий Р.Г. Ему было суждено сыграть центральную роль в распространении странных антимасонских произведений, которые были опубликованы в одном аргентинском издательстве. Р.Г. якобы рассказал Свора, что автором и издателем этих публикаций являлся бывший шпион немецкого Абвера, который писал их под псевдонимом Хуан Малер. Так как уже при чтении его книг было заметно, что этот Малер явно не дружил с головой, раввины Хир и Купер выбрали его на роль пешки в своей игре. В апреле 1993 года некий Рик Итон – тоже самозванный «охотник на нацистов» на службе у обоих раввинов Центра Визенталя – отправился в Барилоче, чтобы заманить в ловушку восьмидесятилетнего Малера, сильно страдавшего от прогрессирующего атеросклероза. [...] Рик Итон намекнул Малеру, что он готов заплатить 500 000 долларов для «неонацистов». Перспектива получения такой огромной суммы сделала Малера чрезвычайно разговорчивым. Он заявил, что его тайное имя – Райнхард Коппс, и рассказал самые сумасшедшие истории, в том числе также и то, что он работал на Моссад. Тут-то «супершпион» Центра Визенталя и попросил старого болтуна, чтобы тот назвал имена, а Малер усердно рассказал ему о прошлом определенных жителей Барилочи. Одним из упомянутых им людей был Эрих Прибке.

После своего возвращения в Лос-Анджелес Рик Итон побежал отчитываться к обоим раввинам. [...] Те после долгих размышлений пришли к выводу, что единственной историей, которую можно было бы использовать, была история с Эрихом Прибке. Впрочем, там надо было обойти еще несколько подводных камней: в конечном счете, Прибке на войне был всего лишь капитаном, и его имя упоминалось только однажды, почти полвека назад, на процессе, который к тому же окончился оправдательным приговором для его коллег. Было очевидно, что эта операция могла бы увенчаться успехом только тогда, если ее будет сопровождать превосходно отрежиссированная кампания в средствах массовой информации» (стр. 256-258).

«Дело Прибке»: Как средства массовой информации из ничего создали монстра

И действительно, кампания в средствах массовой информации была «организована превосходно». 11 апреля 1994 года на Эриха Прибке, возвращавшегося из школы, напала группа американских журналистов под руководством репортера телекомпании Эй-Би-Си Сэма Дональдсона. «You killed children in Rome» – «Вы убили детей в Риме», кричал Дональдсон. Одержимый представлением о том, что он обязан защитить себя от безосновательных обвинений, Прибке начал оправдываться перед этим болваном.

«ОНИ УСКОЛЬЗНУЛИ ОТ ПРАВОСУДИЯ, НО ОТ СЭМА ДОНАЛЬДСОНА ИМ НЕ СПРЯТАТЬСЯ. ОХОТА НА ПОСЛЕДНИХ НАЦИСТОВ», так завлекательно было написано в американской телепрограмме от 29 апреля; 5 мая «интервью» с Прибке было передано Эй-Би-Си, и утром 7 мая лицо Прибке появилось на первых полосах почти всех газет мира.

Последовавшая за этим глобальная провокационная кампания протекала под режиссурой профессиональных лжецов из центров Визенталя. Прибке был назван «палачом Ардеатинских пещер» и «бухгалтером смерти» (последнее потому, что он должен был вычеркивать имена расстрелянных в списке!). Уже 7 мая в аргентинской газете «Clarín» было написано, что из документов центров Визенталя следует, что Прибке сотрудничал «с Адольфом Эйхманом при депортации примерно 67 000 евреев из Италии в лагерь смерти» (на самом деле депортировано было лишь почти 10 000 итальянских евреев, и Прибке не имел ни малейшего отношения к этим событиям; на процессе против него соответствующие обвинения тоже не предъявлялись). В доказательство «нацистского» образа мыслей Прибке центры в дальнейшем опубликовали фотографию школы Примо Капраро с развевающимся перед зданием знаменем со свастикой. О том, что эта фотография была сделана еще в 1935 году, в тот год, когда 22-летний Прибке работал официантом в лондонской

гостинице «Савой», люди Визенталья, к сожалению, «забыли» сообщить неосведомленной публике...

Паоло Джакини так подводит итог этой кампании против старого немца:

«Об Эрихе Прибке можно было распространять самые дикие вымыслы. Можно было, к примеру, безнаказанно утверждать, что он, мол, участвовал в высылке евреев из Рима и Вероны, принимал участие в расстрелах в Брешии, был причастен к внезапной смерти принцессы Мафальды Савойской и был также связан со смертью профсоюзного лидера Бруно Буоцци. Можно было выдумывать, что он буйствовал в пыточных подвалах, и самым грязным образом сексуально домогался жен партизан, заключенных в тюрьму на Виа Тассо. Пресса могла безнаказанно писать, что он злоупотреблял арестованными партизанками в садомазохистских играх, был виновен в исчезновении награбленного римского золота, убивал детей и разбежавшихся, отставших от своих частей карабинеров. Наконец, его называли «серым кардиналом» каких-то туманных таинственных секретных служб, казначеем и спонсором преступных «неонацистских» объединений, которые охотились на иммигрантов, дирижером осквернения еврейских кладбищ и консультантом кровожадных южноамериканских диктаторов».

Сразу же после передачи на Эй-Би-Си Италия потребовала от Аргентины выдачи Прибке, и 81-летний старик оказался под домашним арестом. С юридической точки зрения требование выдачи не имело никаких шансов, так как преступление, в котором обвиняли Прибке в Италии, убийство нескольких человек, согласно аргентинскому праву уже было неподсудным ввиду истечения срока давности, составляющего 15 лет. Однако тогдашний аргентинский президент Карлос Менем и министр юстиции еврей Карлос Корач решили сделать невозможное возможным.

После того, как аргентинская юстиция в первой и во второй инстанции ввиду истечения срока давности отказалась выдать Прибке, верховный суд страны одобрил эту выдачу с соотношением голосов шесть против трех, так как Прибке якобы был виновен в преступлении, на который не распространяется срок давности, а именно в «геноциде». С точки зрения правового государства, однако, это было полной бессмыслицей в трех аспектах: во-первых, вынужденное участие в расстреле заложников, при котором 75 из 335 жертв были евреями, ни при каких обстоятельствах не могло трактоваться как акт геноцида, во-вторых, итальянское требование о выдаче последовало из-за обвинений не в геноциде, а в убийстве нескольких человек, и, в-третьих, вступившая в силу в 1948 году Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него не могла быть применена к совершенному еще

в 1944 году преступлению, так как закон не может иметь обратной силы. Но кого интересуют такие мелочи, если затронуты еврейские интересы?

Впрочем, кроме еврейских инстинктов мести в этом деле были замешаны, конечно, и другие факторы. Итальянская юстиция давно давила на Аргентину своими требованиями прояснить судьбу некоторого количества итальянцев, пропавших без вести во время военной диктатуры (в 1976-1982 годах) в этом южноамериканском государстве. Эти требования были забыты после выдачи Прибке, так что она не в последнюю очередь была последствием закулисного торга между двумя продажными режимами.

О своей выдаче Эрих Прибке рассказывает следующее:

«Понедельник, 20 ноября 1995 года, был и остается одним из самых печальных дней моей жизни. Вскоре после семи часов утра адвокат Педро Бианки приехал ко мне домой и попытался облегчить мне этот страшный момент насильственного разлучения с моей женой и семьей. Все плакали. Я находился в состоянии полного замешательства и не мог поверить тому, что происходило. Педро не скрывал того, что была задета его честь юриста, так как он не мог осознать, что все те принципы, в которые он верил на протяжении всей своей жизни, были растоптаны. Алиса в отчаянии цеплялась за меня и не хотела так просто меня отпускать. [...] Если бы у нас обоих отобрали жизнь в этот день, даже это, пожалуй, было бы менее болезненным. Наши последние объятия были подобны объятиям двух людей на погибающем корабле; я был слеп от боли и не понимал, какие последствия от этой травмы будут у Алисы. Лишь позже я медленно начал понимать, что произошло. Уже когда я, в первый раз позвонив ей по телефону из римской тюрьмы, услышал ее голос, я просто оцепенел. Мне теперь стало ясно, что последствия того прощания оказались для моей жены фатальными: она постепенно теряла память и больше не могла сама заботиться о себе» (стр. 325).

Эриху Прибке так и не суждено было вновь увидеть свою жену; она умерла в августе 2004 года.

Как заключенный в Италии

Расследование против бывшего немецкого офицера вел военный прокурор Антонино Интелизано, в равной степени как честолюбивый, так и бессовестный человек, который с полным основанием благодаря этому делу рассчитывал на отличные шансы карьерного роста – в случае обвинительного приговора. Однако 1 августа 1996 года военный суд Рима оправдал Прибке из-за давности совершенного правонарушения. *«В течение нескольких минут я*

пребывал в иллюзии того, что я свободен, но потом начался настоящий ад», вспоминает Прибке. Орда из примерно сотни хулиганов, преимущественно евреев, под руководством свирепых сионистов Риккардо Пачифичи и Дарио Коэна захватила здание суда, взяла судей, защитников и только что оправданного в заложники, и заявила, что не уйдет, пока Прибке не вернут назад в тюрьму. «После драматических переговоров с еврейской общиной» – по словам газеты Il Messaggero от 2 августа – министр юстиции Флик тут же приказал снова арестовать Прибке:

«Юстиция казалась растерянной. Нужно ли просто отпустить оправданного «бухгалтера смерти»? Или будет найден трюк, чтобы отменить приговор? Министр юстиции Джованни Мария Флик нашел такой трюк. Около часа ночи он проконсультировался, с уголовным кодексом в руке, со своими экспертами. После этого Флик сообщил: По требованию одного иностранного государства, которое желало бы – как в этом конкретном случае Федеративная республика – выдачи обвиняемого, Италия могла бы снова задержать это лицо вплоть до его выдачи. Сказано – сделано» («Штуттгартер Нахрихтен», 3 августа 1996).

Можно предположить, что режим ФРГ еще заблаговременно предъявил Италии требование о выдаче Прибке по приказу еврейских кругов, которые предвидели его оправдательный приговор. Впрочем, выдача в ФРГ никогда всерьез даже не рассматривалась итальянской юстицией; весь фокус состоял только в том, чтобы воспрепятствовать освобождению Прибке.

В октябре 1996 года кассационный суд объявил приговор суда первой инстанции недействительным. Согласно итальянскому праву давность может быть объявлена утратившей силу, если отягчающие обстоятельства перевешивают смягчающие. Чтобы достичь желанной цели – осуждения Прибке, стало быть, нужно было доказать, что именно так и было в его случае – несмотря на тот факт, что он на протяжении более полувека своей послевоенной жизни не был замешан даже в самых малейших правонарушениях. С этой целью прокуратура и гражданские истцы привели на кассационный процесс, как это было уже и на суде первой инстанции, целую рать одержимых жаждой пустой славы мошенников, которые якобы как свидетели пережили все возможные зверства Эриха Прибке. Больше ста страниц книги посвящены этим «свидетельским показаниям» (стр. 449-560), которые по своей нелепости почти можно сравнить с историями еврейских «свидетелей газовых камер», так что их чтение частично может оказаться весьма забавным.

После того, как Эрих Прибке отсидел 16 месяцев в очень жестких условиях в одиночной камере, в марте 1997 года ему, которому к тому времени исполнилось уже 83 года, разрешили по гуманным соображениям сменить тюрьму

на францисканский монастырь, где монахи приняли его с большой человечностью. Через месяц начался кассационный процесс. Прокурор Интелизано потребовал для Прибке пожизненного тюремного заключения и обосновывал это требование в своем заключительном выступлении, среди прочего, так:

«Ему говорили: Иди и стреляй! Исполни свой долг перед своей расой, перед кровью, к которой ты принадлежишь. Отдай свою дань мифу Нибелунгов, из которого произрастает наш национальный дух!» (стр. 715)

Оресте Бизацца, один из адвокатов гражданских сторон, говорил в своем выступлении:

«С Капплером его [Прибке] связывало сообщничество садистского характера, фанатичной убежденности в нацизме, многолетнего сотрудничества, в котором они взвалили на себя общую вину своими бесчисленными ужасными деяниями... И это сознание неизбежно побуждало Прибке к тому, что он захотел принять участие в массовом убийстве и захотел добыть себе свою долю истекающей из этого демонической славы. [...] Для Прибке это было кровавой оргией, которой он радовался, как и его опустившиеся соучастники, которая доставляла ему удовольствие, наполняла его радостью, подобно изнасилованию. Италию изнасиловала эта отвратительная банда животных, которые потом перед судьями лепетали о своей невинности. В этой банде господин Эрих Прибке занимал ведущее место и занимает его еще и сегодня» (стр. 716).

22 июля 1997 года был оглашен приговор: пятнадцать лет лишения свободы. Плен, время, проведенное Прибке в Аргентине под домашним арестом перед выдачей, а также срок предварительного заключения под следствием в Италии были полностью зачтены подсудимому, и был явный шанс того, что через несколько месяцев его освободят. Военный прокурор Интелизано, который получил свою заслуженную пайку, отказался от апелляции, и, кажется, ничего больше не мешало скорому освобождению старика. Но уже скоро Интелизано занял должность в одной международной организации, и его преемник Джузеппе Розин решил обжаловать приговор.

От октября 1997 года Эриху Прибке пришлось покинуть францисканский монастырь и – после пребывания в клинике – возвратиться в тюрьму, так как постоянное присутствие 60 (!!) охранников внутри и вне стен монастыря делало в нем любую нормальную религиозную жизнь невозможной. В мае 1998 года апелляционный суд вынес приговор: пожизненное заключение. Чтобы отказать Прибке в признании смягчающих обстоятельств, судьи полностью переписали всю историю происшествий 23 и 24 марта 1944 года. С беспре-

цедентной наглостью они отрицали всякую связь между террористическим нападением на Виа Разелла и расстрелами в Ардеатинских пещерах. *«Значительно больше, чем приказ», согласно суду,*

«здесь можно увидеть преступное согласие между офицерами СС для осуществления замысла, которого все они жаждали. Они действовали как один человек, и этого абсолютно единообразного марширования при исполнении такого ужасного преступления можно было достигнуть не посредством злоупотребления руководящей позицией, которую предоставляет кому-либо воинское звание, а исключительно тогда, когда существует абсолютное тождество намерений и общее чувство. [...] Преступная склонность, проявленная Прибке, является плодом его никогда не поколебленной уверенности в том, что он был прав [...] Его пожилой возраст в этом смысле является в высшей степени отрицательным фактором, причем хотя бы потому, что он, пусть даже если он сегодня, конечно, больше не является таким опасным для общества, каким был тогда, но неизменной сохранилась его способность совершать преступления, под которой нужно понимать предрасположенность характера преступника, отражающуюся в совершенном им преступлении» (стр. 839/840).

Это, наверное, было первым в мировой истории обоснованием приговора, когда пожилой возраст и длившийся десятки лет безупречный образ жизни подсудимого трактовались вовсе не как смягчающие, а как отягчающие обстоятельства. – Полгода спустя, в ноябре 1998 года, суд последней инстанции утвердил этот приговор.

За прошедшее с той поры время возмутительные фальсификации истории со стороны юстиции и средств массовой информации попали даже в итальянские учебники. В появившемся в 2001 году учебнике для пятого класса школы говорится:

«В 1996 году в Италии проходил процесс против Прибке, нацистского руководителя, который был ответственен за массовое убийство в Ардеатинских пещерах» (стр. 894).

Итак, обычный капитан превратился в «нацистского руководителя», а один из примерно шестидесяти недобровольных участников акции возмездия оказался таким образом ответственным за массовое убийство!

Подоплека преследования Эриха Прибке

Но зачем был нужен весь этот Ниагарский водопад лжи? Для чего это абсурдное преследование старика? В демонизации и осуждении Эриха Прибке были заинтересованы в первую очередь две группировки. Находящейся уже на грани исчезновения кучке старых «левых» во главе с бывшими участниками сопротивления дело Прибке дало возможность еще раз напомнить публике об «ужасах нацистской оккупации» и снова представить самих себя в образе благородных борцов за свободу. А для сионистского еврейства – получившего к тому времени также и в Италии огромную власть – речь шла, прежде всего, о том, чтобы наглядно показать общественности «ужасы Холокоста», хотя репрессии 24 марта 1944 года совсем не были связаны с мнимым систематическим уничтожением евреев. В этом отношении процесс против бывшего немецкого офицера был классическим показательным процессом. Так видит это и сам Прибке:

«Нужно было дать наглядный урок перед всем миром и наказать меня. Мои страдания и страдания моей семьи не имели значения, ведь они же были последствием самого великого страдания, которому подвергались люди когда-либо за всю свою историю. То, что тогда господствовала война, и что убийство во время войны является долгом, тогда как сегодня мы жили в мире, ничуть не беспокоило этих людей. Для них было важно только одно, то символическое послание, которое представило бы мое наказание; оно должно было уберечь будущие поколения, да, по сути, весь мир, от скрывающейся повсюду 'опасности гитлеризма'.

Как 'нацист' я был представителем той породы людей, у которой вообще не было права на существование. Говорить в связи с такой тварью еще и о смягчающих обстоятельствах уже было бы абсурдно, так как моя злость была доказана достаточно ясно. Признать за мной смягчающие обстоятельства значило бы, что инкриминированное мне преступление утратило силу за давностью, а на немецкие военные преступления срок давности ведь не должен распространяться! В таких особых случаях, по отношению к людям моего типа, нужно было собрать необходимую удаль, чтобы сделать исключения и трактовать закон не слишком дословно. Здесь это называется показать твердость» (стр. 586).

Паоло Джакини продолжает этот ход мысли своего подзащитного и друга. Дело Прибке, считает он,

«было не столько судебным процессом, сколько архаичным ритуалом жертвоприношения, при котором жертву в конечном итоге нужно было зарезать,

чтобы вызвать воспоминания о 'нацистских преступлениях'. Срочно понадобился внезапно возникший из прошлого призрак, чтобы еще раз оживить ужасы Холокоста [...] Но с другой стороны, неопровержимый факт состоял в том, что он [Прибке] не имел никакого отношения к преследованиям евреев. Не хватало фактов, которые можно было бы скормить общественности. Уже на процессе Капплера ни один свидетель не называл его имя, и в течение следующих пятидесяти лет никто не интересовался его личностью. Трудность состояла в том, что дело Прибке нужно было сконструировать из ничего. Эту проблему можно было решить только с помощью сенсационных кричащих заголовков. Нужно было распространить жуткие ложные сообщения о депортациях и массовых убийствах женщин и детей, в которых якобы участвовал Прибке. [...] Стоило лишь с боем литавр начать цирковое представление, в центре которого стоял 'монстр' Прибке, и в будущем этого было бы достаточно, чтобы периодически представлять читателю и телезрителю новые выдумки, поддерживая их внимание. Специально призванные известные 'эксперты' с политически стопроцентно корректной системой мира, которые давали свои глубокомысленные комментарии; политики, которые высказывали свое 'возмущение' и 'озадаченность'; репортеры, которые усердно выискивали ужасные истории для первых страниц своих газет; одержимые паблисити судьи; свидетели, которые всеми святыми клялись, что как раз им Эрих Прибке перебежал дорогу пятьдесят лет назад – таковы были человеческие типы, которые были нужны, и в таких людях у нас никогда еще не было нужды. Но еще меньше в Италии нужды в героях, и такие герои тоже нашлись в большом количестве. Они заверяли, что отказаться выполнить приказ Гитлера было, мол, лишь детской игрой, и что они в такой ситуации сопротивлялись бы любым опасностям и в отличие от 'вероломного' Эриха Прибке ни за что не выполнили бы такой приказ. Но еще чудеснее то, что в Италии до сегодняшнего дня живет множество вчерашних героев: в полном одиночестве они добывали себе бессмертную славу, обращая в бегство целые толпы вооруженных до зубов немцев, и когда они после этого, наконец, все же, оказывались за стенами тюрьмы, они молчали даже под самыми зверскими пытками и не проронили ни словечка!

Господа из центров Визенталья очень хорошо знали, что они найдут в средствах массовой информации и в учреждениях в Италии бесчисленных надежных союзников, если только им удастся сначала скрыть факты за дымовой завесой пропаганды. Одновременно для них было бы легко с помощью перевозбужденной риторики привлечь на свою сторону тех людей, которым действительно довелось страдать. Для этого не было ничего проще как воспользоваться тем фактом, что в драме в Ардеатинских пещерах нашли свою смерть также 75 евреев» (стр. 989/990).

Можем ли мы обвинять итальянцев? Ни в коем случае! Даже не говоря о том, что эта книга никогда не появилась бы без итальянского адвоката Прибке, и что бесчисленные другие итальянцы, в том числе бывшие участники сопротивления, родственники жертв Ардеатинских пещер, а также самый известный журналист страны, старик Индро Монтанелли, выступили в поддержку преследуемого, некоторые из самых отвратительных типов, описанных в книге «Горе побежденным», это немцы. О штудиенрате (учителе полной средней школы) Фрице Кюпере, которого министерство образования ФРГ в 1986 году направило в Аргентину как учителя немецкого языка, Прибке говорит так:

«Когда штудиенрат Кюпер в марте 1986 года занял свою должность руководителя преподавания немецкого языка, ему были подчинены более двадцати учителей различных предметов, которые все без исключения уже скоро поняли, что этому человеку приходилось бороться с серьезными проблемами. Его травма состояла в том, как он сам признавался потом, что он был сыном старого партийца НСДАП, и это наследие тяжелым бременем лежало на нем. К сожалению, этот навязанный самому себе комплекс вины, который принимал все более острые формы, вызывал растущие затруднения для школы. [...] Например, типичным аргентинским обычаем было поднятие флага каждое утро в присутствии всех учеников. [...] Так как учеба заканчивалась во второй половине дня предметами, которые преподавались на немецком языке, спуск флага после окончания уроков оказывался в компетенции Кюпера. Для него эта церемония после уроков всегда была настоящей пыткой, точно как и тот факт, что дети наряду с аргентинским национальным гимном должны были также учить и немецкий гимн; весь этот патриотизм, а особенно тот, который был связан с нашей далекой родиной, был для него неслыханным ужасом. [...] К Рождеству занятия на немецком языке были посвящены подготовке торжеств, которые отражали народные обычаи нашей родины. [...] В 1986 году праздник провалился. Виноват в этом был Кюпер, который умудрился создать так много искусственных препятствий, что, в конце концов, не хватило времени для организации празднования. Из-за такого своего явно бесчувственного поведения этот человек окончательно стал совершенно непопулярным не только среди своих коллег, но и у родителей наших учеников. Хотя правление продемонстрировало большое терпение, отношения с Кюпером к тому времени были уже неизлечимо омрачены, и еще до того, как его договор истек, все высказывались против его продления. [...] Если мы надеялись на то, что непродление трудового договора и последовавшее за этим возвращение Кюпера в Германию закончит эту неприятную историю, мы глубоко ошиблись. Кюпер, от которого мы избавились, пребывая в фрустрации, замыслил месть. В своем письме супружеской паре Кларсфельд, пресловутым 'охотникам на нацистов' в Париже, он дал полную волю своим параноидным представлениям. Его измышления были позже умело использованы против членов школьного правления и, в частности, против меня».

Еще на ступень морально ниже этого учителя стоит офицер Бундесвера, капитан-лейтенант Герхард Шрайбер, который выступал на процессе в качестве эксперта обвинения. По его словам, у Прибке «согласно действовавшим тогда уставам» было не только право «не повиноваться этому мерзкому приказу» (об участии в репрессии), но даже «обязанность отказаться от его исполнения». Для обоснованию этого утверждения Шрайбер сослался на статью 47 тогдашнего военного права, согласно которому виновным становится тот, «кто переходит рамки приказа или знает, что его исполнение представляет собой преступление с точки зрения гражданского или военного права» (стр. 550). Паоло Джакини комментирует это следующим образом:

«Как ни парадоксально, но именно те люди, которые утверждают, что подчиненные Капплера могли бы отказаться от исполнения приказа, воплощают точно тот человеческий тип, который обычно – и вовсе не из страха или ради соблюдения бесспорного долга, а из духа верноподданничества и циничного стремления к карьере – всегда держит нос по ветру. Кажется буквально смешным, что Гитлер и другие вожди Третьего Рейха, которых десятилетиями всегда представляли как безжалостных деспотов, теперь внезапно оказались добродушными шоколадными дядюшками, если политический оппортунизм требует этого. Господин Шрайбер, офицер, который никогда не был на войне и мужества которого хватило лишь на то, чтобы обнажить шпагу против старого солдата, своего земляка преклонного возраста, одинокого и покинутого в чужой стране, действует так, как будто он не знает, что статья 47 немецкого военного права была направлена не на то, чтобы наказывать солдат, которые выполняли регулярные приказы, а совсем наоборот на то, чтобы освободить их от уголовно-правовой ответственности [...] Как мальчик на побегушках у фракции «Никогда не забывать, никогда не прощать» господин Шрайбер поступает так, как будто не знает, что согласно господствующим в национал-социалистической Германии общественным и правовым принципам речь о сознательном исполнении преступного приказа могла идти исключительно тогда, когда начальник склонял своих подчиненных к обычным наказуемым действиям, таким как кража, грабеж, убийство из корыстолюбия и так далее» (стр. 551/552).

Можно ли опуститься еще ниже, чем этот морской офицер? Очевидно, да. В начале 1996 года, когда Эрих Прибке сидел совершенно без средств в тюрьме,

«как чудо пришли письма от одной молодой землячки по имени Андреа Рёпке, в которых она демонстрировала мне свою солидарность, и которые свидетельствовали о глубокой человечности. Мне казалось, что удача, все же, очевидно не оставила меня окончательно. Андреа Рёпке ободряла меня и со-

общала мне, что она собирает деньги для покрытия моих юридических издержек» (стр. 51).

Но где-то с год спустя

«один немецкий друг прислал мне статью из журнала «Дер Штерн» (номер от 13 марта 1997). Для меня было – в который раз? – горьким разочарованием узнать, что эта примерно 30-летняя Андреа Рёпке, которая в своих письмах уверяла меня в своей поддержке, была на самом деле журналисткой, которая с цинизмом, столь типичным для лакеев фракции «Никогда не забывать, никогда не прощать», лишь делала вид, будто она хотела помочь мне по чисто гуманитарным мотивам, тогда как в действительности она лишь хотела добраться до информации и буквально жаждала того, чтобы суметь доказать мой тот или иной проступок. С некоторыми из моих ответных писем в руке эта особа внедрилась в круги политических правых и выдала себя за «дипломированную» приверженку Гитлера. Она любой ценой хотела получить доказательства существования проклятого нацистского заговора между дочерью Генриха Гиммлера Гудрун и мною, хотя я никогда в жизни не встречался с этой женщиной. Однако вся эта операция угрожала обернуться для Рёпке крахом [...] Ей даже не удалось установить контакты с дочерью Гиммлера, не говоря уже о том, чтобы обнаружить хоть какие-нибудь подрывные махинации за гуманитарной деятельностью, которой эта женщина, насколько мне известно, еще сегодня посвящает свои силы. То, что Рёпке не нашла, она выдумала. С непревзойденной бесцеремонностью она высосала из пальца якобы отправленные мною письма в какие-то воображаемые организации, причем мрачное задание этих группировок состояло в том, чтобы посылать мне в тюрьму всяческие лакомства!»

Разумеется, моральные подонки бывают в любой стране и при любом общественном устройстве, но такое государство как ФРГ, где продолжается постоянная переоценка ценностей, где добродетель лживо объявляется пороком, порок добродетелью, а измену называют заслугой, образует идеальную питательную среду для таких как Кюпер, Шрайбер и Рёпке. Лицемеры, лжецы и доносчики там великолепно процветают, и будут еще процветать так же долго, как долго будет еще существовать эта система.

Давайте, наконец, предоставим слово одной женщине, которая сначала участвовала на процессе против Эриха Прибке как гражданская истица. 13 февраля 1998 года Анна Мария Каначчи, сестра одной из жертв Ардеатинских пещер, написала председателю военного апелляционного суда в Риме следующее письмо:

«На протяжении этих месяцев, когда я присутствовала на слушаниях, во мне созрело убеждение, что не может быть справедливым спустя 54 года после трагических событий в Ардеатинских пещерах продолжать неистово нападать на человека, которому сегодня 84 года, и который, как мы все знаем, действовал тогда не по своему желанию. Превращать простого капитана, который должен был повиноваться на войне приказам, как поступали, кстати, также тысячи и тысячи других солдат во всех армиях, в символ зла Второй мировой войны, это не имеет ничего общего со справедливостью. Мой брат Иларио Каначчи стал жертвой бессмысленной жестокости: ему было только 17 лет, когда его взяли в заложники и убили – ужасное преступление, которое, тем не менее, не оправдывает преследование этого старика и заключение его в тюрьму до последнего дня его жизни. Как раз из-за того, что я много страдала, как раз из уважения перед моим погибшим мученической смертью братом, я считаю своим долгом простить и предотвратить то, чтобы из Эриха Прибке сделали последнего козла отпущения за ту ужасную войну. Я хотела бы открыть свою душу чувствам человечности, добиться настоящей справедливости, которая стоит выше любых партий, способствовать созданию мира между людьми, и я хотела бы закончить свою жизнь без угрызений совести и без ненависти по отношению к кому-либо. Поэтому я прошу вас принять к сведению, что я не намерена больше участвовать в этом процессе как гражданская истица» (стр. 830).

Сентябрь 2006 года

ПРИЛОЖЕНИЕ

**11 октября 2013 года в Риме в возрасте ста лет скончался
бывший хауптштурмфюрер СС Эрих Прибке**

Последнее интервью Эриха Прибке

(Оригинал на итальянском языке)

ВОПРОС: Господин Прибке, несколько лет назад Вы уже высказывались в том духе, что Вы не отрицаете Ваше прошлое. А сегодня, когда Вам исполнилось уже сто лет, Вы тоже все еще считаете так?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Что именно Вы под этим понимаете?

ОТВЕТ: Я принял решение быть верным самому себе.

ВОПРОС: Значит, Вы и сегодня все еще воспринимаете себя как национал-социалист?

ОТВЕТ: Верность собственному прошлому – это нечто, что связано с нашими убеждениями. Это моя манера, мой способ видеть мир, мои идеалы, то, что для нас, немцев, было мировоззрением, и что все еще связано с чувством любви к себе и чувством собственного достоинства. Политика же – это совсем другое дело. Национал-социализм погиб вместе с его поражением, и никакой перспективы существования для него сегодня больше нет.

ВОПРОС: Является ли антисемитизм тоже частью того мировоззрения, о котором Вы говорите?

ОТВЕТ: Если Вы с помощью Ваших вопросов действительно хотите узнать правду, Вам следовало бы отказаться от некоторых стереотипов и предубеждений: ведь критиковать кого-то, это еще отнюдь не значит, что вы хотите кого-то уничтожить. В Германии поведение евреев с самого начала двадцатого столетия подвергалось открытой критике. Тот факт, что евреи держали в своих руках возросшую до невероятной степени экономическую и, следовательно, также политическую власть, составляя при этом только очень малую долю в населении земного шара, рассматривался как несправедливость. Да это и сегодня еще остается фактом, ведь если мы возьмем тысячу самых богатых и самых могущественных людей мира, нам придется признать, что зна-

чительную часть их составляют евреи, банкиры или акционеры транснациональных компаний. Прежде всего, после поражения Германии в Первой мировой войне и под игмом Версальского договора переселение евреев из Восточной Европы в Германию привело к настоящей катастрофе, вызванной огромным накоплением их капитала на протяжении немногих лет, тогда как во время Веймарской республики преобладающее большинство немецкого народа жило в ужасающей бедности. В этом климате ростовщики увеличивали свое состояние, а чувство разочарования, направленное против евреев, усиливалось.

ВОПРОС: Есть такая же уже древняя история, согласно которой еврейская религия позволяет евреям практиковать ростовщичество, в то время как христианам это было запрещено. Что, по Вашему мнению, является правдой?

ОТВЕТ: Это точно не моя мысль. Достаточно прочесть Шекспира или Достоевского, чтобы узнать, что подобные проблемы с евреями с исторической точки зрения действительно были повсюду, от Венеции до Санкт-Петербурга. Это вовсе не значит, что в те времена евреи были единственными кредиторами. Я полностью согласен со словами поэта Эзры Паунда: «Я не вижу разницы между еврейским и арийским заимодавцем».

ВОПРОС: И из-за всего этого Вы оправдываете антисемитизм?

ОТВЕТ: Нет, видите ли, это не значит, что среди евреев нет достойных, приличных людей. Я повторяю, антисемитизм означает ненависть, беспорядочную, не знающую различий ненависть. Я, даже на протяжении этих последних лет моего преследования, когда я превратился в старика, лишённого свободы, всегда отвергал ненависть. Я никогда не хотел ненавидеть, даже тех, кто ненавидел меня. Я говорю только о праве на критику, и пытаюсь объяснить причины. И я хотел бы сказать Вам еще больше: Вам стоило бы задуматься над тем, что большая часть евреев, основываясь на своих особенных религиозных воззрениях, рассматривает себя как превосходящих и лучших, чем все другие люди. Они идентифицируют себя с «Богоизбранным народом» Библии.

ВОПРОС: Так ведь и Гитлер тоже говорил о превосходстве арийской расы.

ОТВЕТ: Да, Гитлер тоже стал жертвой идеи превосходства. Это было одной из причин ошибок, исправить которые было уже невозможно. Учтите, тем не менее, что в те годы определенный расизм был нормой. Причем это был не только вопрос настроения народов, но он был также составной частью на уровне правительств и даже правового порядка.

После того, как американцы когда-то были работорговцами и депортировали африканские народы, они остались, тем не менее, расистами и дискриминировали чернокожих. Первые, так называемые, расовые законы Гитлера ограничивали права евреев не больше, чем были ограничены права бывших африканских рабов в некоторых штатах США. То же самое касалось обращения англичан с индийскими племенами, да и французы тоже не вели себя иначе с так называемыми подданными их колоний. Не говоря уже об обращении с этническими меньшинствами в бывшем СССР в те времена.

ВОПРОС: И как же тогда, по Вашему мнению, дошло до эскалации ситуации в Германии?

ОТВЕТ: Конфликт радикализировался, все сильнее обострялся. Немецкие евреи, американцы, британцы и мировое еврейство против Германии. Естественно, немецкие евреи оказывались во все более трудном положении. Последовавшее из этого решение о принятии более жестких законов в Германии делало жизнь евреев все тяжелее и тяжелее. Потом в ноябре 1938 года один еврей, некий Гершель Грюншпан, в знак протеста против Германии убил советника нашего посольства во Франции Эрнста фон Рата. Последовала знаменитая «имперская хрустальная ночь» (или «ночь битого стекла»). Группы демонстрантов разбивали витрины еврейских магазинов по всей Империи. С того момента евреи рассматривались уже исключительно в качестве врагов. После того, как Гитлер возглавил правительство, он сначала пытался побудить евреев уехать из Германии. Затем в климате растущего недоверия по отношению к немецким евреям, которое было вызвано войной, бойкотом и открытыми конфликтами с самыми важными еврейскими организациями по всему миру, их отправили в лагеря, как настоящих врагов. Естественно, это стало катастрофой для огромного количества невинных семей.

ВОПРОС: Поэтому Вы считаете, что в том, что пережили евреи, была и их собственная вина?

ОТВЕТ: Некоторая вина тут есть с обеих сторон. Есть вина также и со стороны союзников, которые развязали Вторую мировую войну против Германии после вступления немцев в Польшу. В область, где большое количество этнических немцев постоянно страдало от преследований и эксцессов со стороны польских властей, и которая была передана под контроль новообразованного польского государства по Версальскому договору. Против сталинской России и ее вторжения в остальную часть Польши никто и пальцем не пошевелил. Наоборот, в конце конфликта, который, по официальной версии, возник для того, чтобы защитить независимость Польши от немцев, Сталину незамедлительно подарили всю Восточную Европу, в том числе и Польшу.

ВОПРОС: Следовательно, можно сказать, что Вы, если не говорить о политике, симпатизируете историческим теориям ревизионизма?

ОТВЕТ: Я не совсем точно понимаю, что подразумевается под ревизионизмом. Если мы говорим о Нюрнбергских процессах 1945 года, то я могу Вам сказать, что речь тогда шла о совершенно невероятном процессе, об огромном спектакле с единственной целью продемонстрировать общественному мнению всего мира немецкий народ и его вождей как бесчеловечных и презренных людей. Чтобы унижить побежденных, которые больше не могли защищаться.

ВОПРОС: На чем Вы основываете это утверждение?

ОТВЕТ: Что можно сказать о самозваном суде, который осуждает преступления только побежденных, но не преступления победителей; где победители являются одновременно обвинителями, судьями и пострадавшей стороной, и когда статьи законов за прошлые преступления специально пишут для него задним числом, только чтобы можно было с их помощью осудить обвиняемых? Даже президент США Джон Ф. Кеннеди осудил этот процесс как «гнусный», так как он нарушал «принципы американской конституции, чтобы наказать побежденного противника».

ВОПРОС: Даже если Вы утверждаете, что такого преступления, как преступления против человечности, за которые судили обвиняемых в Нюрнберге, раньше в юридической форме не было в законах как такового, и что оно было введено как раз этим международным трибуналом, тем не менее, нужно же сказать, что обвинения эти касались ужасных деяний.

ОТВЕТ: В Нюрнберге немцев обвинили в бойне в Катыни, а потом в 1990 году Горбачев признал, что это как раз те же самые русские обвинители-то и убили двадцать тысяч польских офицеров в лесу близ Катыни выстрелами в затылок. В 1992 году российский президент Ельцин представил оригинальный документ распоряжения, которое было подписано Сталиным.

Немцев также упрекали в том, что они якобы делали из евреев мыло. Экземпляры такого мыла попали даже в музеи США, Израиля и других стран. Только в 1990 году одному профессору Иерусалимского университета пришлось, в конце концов, признать, что это был обман.

ВОПРОС: Да, но концентрационные лагеря – это не изобретение судей в Нюрнберге.

ОТВЕТ: В эти ужасные военные годы изоляция в концентрационных лагерях того гражданского населения, которое представляло собой угрозу для наци-

ональной безопасности, была естественной целесообразностью. Во время Второй мировой войны это делали как русские, так и американцы. В частности, последние поступали так с американцами азиатского происхождения.

ВОПРОС: Но в Америке в концентрационных лагерях для этнических японцев не было газовых камер.

ОТВЕТ: Как я уже говорил, в Нюрнберге множество обвинений было просто придумано. Что касается наличия газовых камер в концентрационных лагерях, мы все еще ждем доказательства их существования. В лагерях заключенные должны были работать. Многие покидали лагерь в течение дня для работ и вечером возвращались обратно. Спрос на рабочие руки во время войны никак не сходится с обвинением, что в то же самое время где-нибудь люди стояли в очереди, чтобы найти свою смерть в газовых камерах. Использование газовой камеры представляет собой опасность заражения для всего ее окружения, ее применение ужасно опасно, смертельно опасно также для всех и вся, что находится вокруг нее. Сама мысль о том, чтобы отправлять людей на смерть с применением такого метода, и в том же самом месте, где живут и работают другие люди, и чтобы при этом никто об этом не узнал, совершенно безумна, да и весьма трудно реализуема на практике.

ВОПРОС: Когда Вы впервые услышали о плане уничтожения евреев и о газовых камерах?

ОТВЕТ: Когда я в первый раз услышал об этих вещах, я как военнопленный находился в английском концентрационном лагере, вместе с Вальтером Рауффом. Мы оба были поражены. Мы не могли поверить в такие ужасные вещи: газовые камеры для уничтожения мужчин, женщин и детей. Целыми днями мы говорили об этом с полковником Рауффом и другими пленными. Мы все принадлежали к СС, у каждого из нас была своя определенная должность в иерархии национал-социалистического режима, но никто никогда даже и не слышал о чем-то в этом роде.

Подумайте только, что мне много лет спустя довелось узнать, что мой друг и начальник Вальтер Рауфф, который порой делился со мной куском черствого хлеба в лагере для военнопленных, потом был обвинен в том, что именно он-то и был изобретателем «газвагена», таинственной машины для уничтожения людей с помощью газа. О чем-то подобном может подумать только кто-то, кто никогда лично не знал Вальтера Рауффа.

ВОПРОС: А все эти свидетельские показания о существовании газовых камер?

ОТВЕТ: В лагерях никогда не нашли газовые камеры, кроме той единственной, которая была после войны построена американцами в Дахау. Нет никаких доказательств в отношении газовых камер, которые могли бы рассматриваться как достоверные в юридическом или историческом смысле; так же ненадежны высказывания последних командиров и руководителей лагерей, как например, показания самого известного из них, коменданта Освенцима Рудольфа Хёсса. Не говоря уже о вопиющих противоречиях в его словах, его ведь перед выступлением в качестве свидетеля в Нюрнберге подвергли пыткам, а после этого по просьбе русских его повесили с заткнутым ртом. Для этих свидетелей, которые для держав-победительниц считались весьма ценными, применение физического и психического насилия в случае недостаточного «сотрудничества со следствием» было невыносимым; угрозы включали также и воздействие на членов их семей. Я из собственного опыта во время моего плена и из опыта моих коллег знаю, как в лагерях для военнопленных со стороны держав-победительниц выбивались признания из заключенных, которые часто даже не знали английского языка. Об обращении с пленными в русских лагерях в Сибири к тому времени уже стало известно во всех подробностях, нужно было просто подписать какое-либо признание, и больше ничего.

ВОПРОС: Таким образом, миллионы умерших являются для Вас только вымыслом?

ОТВЕТ: Я лично видел лагеря и бывал в них. Я был в Маутхаузене в последний раз в мае 1944 года, чтобы по приказу Гимmlера допросить там сына маршала Бадольо, Марио. Я провел в лагере целых два дня. Там были огромные работающие кухни для заключенных, и даже был бордель для их потребностей. Но никаких газовых камер.

К сожалению, много людей погибло в лагерях, но не потому, что кто-то специально хотел их убить из-за своей кровожадности. Война, тяжелые условия жизни, голод, недостаточный правильный уход часто оказывались для них роковыми. Но эти трагедии гражданских лиц происходили не только в лагерях, но и во всей Германии, прежде всего, из-за проводившейся без разбора бомбардировки немецких городов.

ВОПРОС: Значит, Вы преуменьшаете трагедию евреев: Холокост?

ОТВЕТ: Там мало что можно было бы преуменьшать: трагедия есть трагедия. Здесь речь идет скорее о проблематике исторической правды.

Интерес держав-победительниц Второй мировой войны состоял в том, чтобы у них самих не потребовали отчета за их преступления. Они разрушали целые города в Германии, в которых не было ни одного-единственного солдата, и только для того, чтобы убить женщин, детей и стариков, чтобы сломить этим боевой дух, чтобы немцы не могли продолжать бороться со своими противниками. Такая судьба постигла Гамбург, Любек, Берлин, Дрезден и другие города. Они использовали свое превосходство в бомбардировщиках, чтобы с безумной беспощадностью безнаказанно убивать гражданских лиц. Затем, то же самое случилось с жителями Токио, и, наконец, атомные бомбы убили множество гражданских японцев в Нагасаки и Хиросиме.

Поэтому было необходимо изобрести необычайные преступления, которые якобы совершила Германия, и таким образом немцев представить как исчадий ада, и всю прочую чушь: как персонажи из романов ужасов, по которым Голливуд снял сотни фильмов.

Помимо того, в методах держав-победительниц во Второй мировой войне мало что изменилось: в соответствии с их воззрениями они экспортируют демократию в форме так называемых мирных миссий против «мерзавцев»; при этом они создают образы врага – террористов, которые совершают все более чудовищные, невообразимые преступления. Но на практике нападают-то как раз они сами, прежде всего, с помощью своей военной авиации, на тех, кто не хочет им покориться. Они уничтожают солдат и гражданское население, у которых нет средств для защиты. И потому происходит так, что после всех этих гуманитарных интервенций в различных странах они ставят там у власти марионеточные правительства, которые защищают их экономические и политические интересы.

ВОПРОС: Но как Вы объясните тогда некоторые однозначные доказательства, такие как видеозаписи и фотографии концентрационных лагерей?

ОТВЕТ: Эти фильмы – это еще одно доказательство подлога: почти все они взяты из лагеря Берген-Бельзен. Это был лагерь, куда немецкие власти собирали из других лагерей заключенных, которых считали нетрудоспособными. Внутри лагеря также находился госпиталь для выздоравливающих. Одно это уже очень многое говорит о кровожадных намерениях немцев. Ведь кажется странным, что во время войны создается структура такого рода для тех, которых якобы должны были отравить газом. Бомбардировки союзников в 1945 году оставили лагерь без питания, воды и медикаментов. Распространилась эпидемия тифа, которая привела к появлению тысяч больных и умерших. Эти снимки и фильмы были сделаны в то время, в апреле 1945 года, когда сборный лагерь Берген-Бельзен был опустошен эпидемией и уже находился в руках союзников. Снимки и фильмы были специально сделаны в

пропагандистских целях британским режиссером и мастером фильмов ужасов Альфредом Хичкоком. Цинизм, отсутствие должного понимания человечности, с помощью которых также и сегодня спекулируют, используя эти изображения, ужасны. С давних пор их показывали на экранах телевизоров, с гнетущей музыкой в качестве звукового фона, и публику с бессовестным коварством обманывали, связывая эти ужасные сцены с газовыми камерами, к которым они не имели никакого отношения. Все это подлог!

ВОПРОС: Итак, Вы полагаете, что смыслом всей этой дезинформации было желание держав-победительниц скрыть свои преступления?

ОТВЕТ: Вначале это было именно так. Такой же сценарий, что и на Нюрнбергском процессе, был изобретен генералом Дугласом Макартуром также и в Японии в виде Токийского процесса. В этом случае выдумывали другие истории и другие преступления, которые привели всех подсудимых к смертной казни через повешение. Чтобы сделать преступников из японцев, которые уже пострадали от атомных бомб, тогда даже выдумали обвинения в каннибализме.

ВОПРОС: Почему только вначале?

ОТВЕТ: Так как впоследствии литература о Холокосте очень пошла на пользу в первую очередь государству Израиль по двум причинам. Первую причину хорошо разъяснил писатель Норман Финкельштейн, сын депортированных евреев. В своей книге «*Die Holocaust-Industrie*» («Индустрия Холокоста») он объясняет, как этот бизнес при помощи требований о возмещении ущерба принес миллионные суммы в форме репараций и компенсаций в кассы еврейских учреждений и государства Израиль. Он пишет о «настоящем организованном вымогательстве». Вторую причину объясняет писатель Серджо Романо, который, без всяких сомнений, не является ревизионистом. После войны в Ливане Израиль осознал, что распространение и подчеркивание драматичности в «литературе о Холокосте» принесло бы ему преимущества в его территориальном споре с арабами и привело бы «к чему-то вроде полудиبلوماسية иммунитета».

ВОПРОС: Всюду на свете, когда говорят о Холокосте, говорят об искоренении. Есть ли у Вас сомнения на этот счет, или Вы даже вообще отрицаете это?

ОТВЕТ: Средства пропаганды тех, которые сегодня держат в своих руках власть над всем миром, безудержны. С помощью исторической субкультуры, специально созданной и распространенной телевидением и кино, совесть людей подверглась манипулированию с использованием влияния на эмоции. В частности, новые поколения уже с начальной школы подвергались промы-

ванию мозгов, на них давили жестокими историями, чтобы подавить свободное формирование собственного мнения.

Как я уже говорил, мы уже почти семьдесят лет ждем доказательств преступлений, которые приписываются немецкому народу. Историки не нашли ни одного единственного документа, который сообщает о газовых камерах. Ни одного письменного поручения, доклада или заключения какого-либо немецкого учреждения, ни одного донесения сотрудников. Совсем ничего.

При этом отсутствии документов судьи в Нюрнберге предположили, что программа по «окончательному решению еврейского вопроса», которая рассматривала возможности высылки евреев с территории Германии и позже из оккупированных немцами областей, включая их возможное переселение на Мадагаскар, была секретным кодовым словом, которое на самом деле означало их уничтожение. Это абсурдно! В разгар войны, когда мы еще считались победителями как в Африке, так и в России, евреев, которых сначала только стимулировали, потом до 1941 года все сильнее призывали к тому, чтобы они добровольно покинули Германию. Только после этих двух лет с начала войны начались мероприятия по ограничению их свобод.

ВОПРОС: Давайте представим, что доказательства, о которых Вы говорите, будут найдены. Я говорю о документе, который подписан Гитлером или другими важными руководителями. Как изменится после этого Ваша позиция?

ОТВЕТ: В таком случае я выскажусь за суровое осуждение таких действий. Все действия произвольного насилия против групп людей без учета фактической индивидуальной ответственности, неприемлемы и абсолютно достойны осуждения. Так произошло с индейцами в Америке, с кулаками в России, с итальянскими жертвами «Фойбе» в Истрии («фойбе» (foibe) – это глубокие карстовые пещеры, куда югославские коммунистические партизаны с 1943 по 1949 год сбрасывали трупы тысяч убитых ими итальянцев, в т.ч. женщин и детей – прим. перев.), с армянами в Турции, с немецкими военнопленными в американских концентрационных лагерях в Германии и Франции, а также в русских лагерях; одни умерли по воле президента США Эйзенхауэра, другие благодаря Сталину. Оба главы государства осознанно игнорировали Женевскую конвенцию, чтобы довести эту трагедию до апогея. (Дуайт Эйзенхауэр несет ответственность за жестокое обращение с военнопленными немцами как главнокомандующий американской армии в Европе, однако президентом США в то время был Гарри Трумэн. – прим. перев.) Все эти эпизоды следует осудить со всей ясностью, включая и преследование евреев немцами, которое, без сомнения, имело место. Но осудить нужно именно реальные преследования, а не те, которые были выдуманы в пропагандистских целях.

ВОПРОС: Значит, Вы согласны с тем, что существует возможность того, что эти доказательства вероятного уничтожения со стороны немцев в конце конфликта исчезли и, может быть, однажды будут обнаружены?

ОТВЕТ: Я уже говорил, что определенные действия должны быть осуждены в принципе. Тогда если мы предположим, что каким-то абсурдным образом однажды будут найдены доказательства существования газовых камер, вопрос об осуждении тех, кто запланировал такие ужасные преступления и использовал для убийств, является абсолютно бесспорным и однозначным. Видите ли, я научился тому, что сюрпризы в этом отношении никогда не заканчиваются. В этом случае, тем не менее, я думаю, что с уверенностью могу исключить такую возможность, так как на протяжении уже почти шестидесяти лет немецкие документы, которые попали в руки держав-победительниц, были подвергнуты сотнями ученых серьезному изучению и анализу; и то, что не всплыло до сегодняшнего дня, очень маловероятно может выйти на поверхность в будущем.

Я считаю это в высшей степени невероятным также по другой причине: уже во время войны наши противники начали распространять подозрения об убийствах в лагерях. Я говорю о заявлении союзников от декабря 1942 года, в котором в общем смысле говорилось о варварских преступлениях против евреев в Германии и настаивалось на наказании обвиняемых. Потом, в конце 1943 года, я узнал, что речь шла не просто об общей военной пропаганде, а что наши враги планировали даже изготовление фальшивых доказательств этих преступлений. Об этом я получил первую информацию от моего сокурсника и хорошего друга капитана Пауля Райнике, который служил у второго человека в немецком правительстве, рейхсмаршала Германа Геринга: он был шефом его эскорта. Последний раз, когда я видел его, он рассказывал мне о плане самых настоящих фальшивок. Геринг был возмущен, так как он считал эти лживые изображения клеветническими перед глазами всего мира. Геринг, прежде чем он совершил самоубийство, в самой жесткой форме осудил перед Нюрнбергским трибуналом создание этих поддельных доказательств.

Следующее указание я получил позже от начальника полиции Эрнста Кальтенбруннера, человека, сменившего Райнхарда Гейдриха после смерти последнего, а потом казненного на виселице после Нюрнбергского процесса. Я встречался с ним в конце войны, чтобы сообщить ему о собранной информации об измене итальянского короля Виктора Эммануила III. Он упомянул, что будущие державы-победительницы уже работали над тем, чтобы смастерить лживые доказательства военных преступлений и других зверств, которые они выдумали для лагерей в качестве доказательств немецкой жестокости. Они уже пришли к единому мнению касательно деталей того, как должен

был быть инсценирован беспрецедентный судебный процесс для проигравших.

Однажды, в августе 1944 года, я встретил непосредственного сотрудника генерала Кальтенбруннера, шефа Гестапо Генриха Мюллера. Благодаря ему я смог учиться в военном училище. Я многим был ему обязан, и он тоже был очень расположен ко мне. Он прибыл в Рим, чтобы позаботиться об одной личной проблеме моего командира подполковника Герберта Каплера. В эти дни американской Пятой армии удалось совершить прорыв у Монте-Кассино, а русские войска вошли на территорию Германии. Война была уже окончательно проиграна. В этот вечер он попросил меня проводить его до гостиницы. Из-за существующего между нами доверия, я решился спросить его о дальнейших деталях по этой теме. Он рассказал мне, что наша разведка получила однозначные сведения о том, что в ожидании окончательной победы враг пытался создать доказательства наших преступлений, чтобы провести показательные судебные процессы после поражения, которые должны были заклеить Германию как преступника. Он знал более точные подробности и был всерьез этим озабочен. Он утверждал, что этим людям нельзя доверять, так как они не знали ни чувства собственного достоинства, ни угрызений совести. Тогда я был еще молод и не придавал его словам надлежащего значения, но потом все на самом деле произошло именно так, как говорил мне генерал Мюллер. Это и есть те люди, руководители, которых сегодня обвиняют в том, что это якобы они придумали и организовали уничтожение евреев в газовых камерах! Я смотрел бы на все это со смехом, если бы эти события не были настолько трагичны.

Когда американцы в 2003 году напали на Ирак под предлогом, что у он якобы обладал «оружием массового уничтожения», с помощью явно лживого клятвенного заявления американского министра иностранных дел Колина Пауэлла перед Советом Безопасности ООН, и это говорили как раз те, кто был единственным, кто применил это оружие на войне, то я сказал себе: ничего нового!

ВОПРОС: Вы, как немецкий гражданин, знаете, что согласно некоторым законам в Германии, Австрии, Франции, Швейцарии, тем, кто отрицает Холокост, грозит тюремное заключение?

ОТВЕТ: Да, сильные мировые державы потребовали таких законов, и скоро они будут навязаны также и Италии. Фокус состоит как раз в том, чтобы заставить людей думать, будто те, кто противостоят, например, израильскому колониализму и сионизму в Палестине, являются антисемитами. Тот, кто решается критиковать евреев, является и навсегда останется антисемитом. Кто рискует задавать вопросы о доказательствах существования газовых камер в

концентрационных лагерях, автоматически считается сторонником идеи уничтожения евреев. Это подлая манипуляция. И как раз эти законы свидетельствуют о страхе того, что правда однажды выйдет на поверхность. Очевидно, есть опасения, что вопреки такой эмоциональной кампании пропаганды историки спросят о доказательствах, и ученые осознают, что общепринятые изложения являются лживыми. Как раз само существование этих законов открывает глаза тому, кто все еще верит в свободу мышления и значимость независимых исторических исследований.

Естественно, меня могут обвинить за то, что я только что сказал, моя ситуация могла бы даже еще больше ухудшиться, но я должен был сказать об этом, так как это правда; я воспринимаю это мужество прямоты как свой долг перед моей страной, как свой вклад к завершению моих ста лет жизни, в спасение чести моего народа.

С уверенностью моих ста лет!

Эрих Прибке

Июль 2013 года

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).